

ББК 83/84я72
Л22

Учебник включён в Федеральный перечень

Литература : 9 класс : учебник для учащихся общеобразовательных организаций : в 2 ч. Ч. 2 / Б.А. Ланин, Л.Ю. Устинова ; под ред. Б.А. Ланина. — 3-е изд., стереотип. — М. : Вентана-Граф, 2018. — 208 с.

ISBN 978-5-360-09120-2 (ч. 2)

ISBN 978-5-360-09118-9 (общ.)

Учебник, подготовленный в рамках программы «Литература. 5–11 классы» (авт. Б.А. Ланин, Л.Ю. Устинова), реализует основные цели и задачи литературы 9 класса: вводит в круг чтения доступные пониманию подростков произведения разных жанров отечественных и зарубежных авторов; содействует нравственному и мировоззренческому развитию личности; обучает пользованию Интернетом как современным средством решения познавательных, читательских, творческих, коммуникативных задач.

Учебник может быть использован при углублённом изучении предмета. Входит в систему учебно-методических комплектов «Алгоритм успеха».

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования (2010 г.).

ББК 83/84я72

ISBN 978-5-360-09120-2 (ч. 2)
ISBN 978-5-360-09118-9 (общ.)

© Ланин Б.А., Устинова Л.Ю., 2011
© Издательский центр «Вентана-Граф», 2011
© Ланин Б.А., Устинова Л.Ю., 2014,
с изменениями
© Издательский центр «Вентана-Граф», 2014,
с изменениями

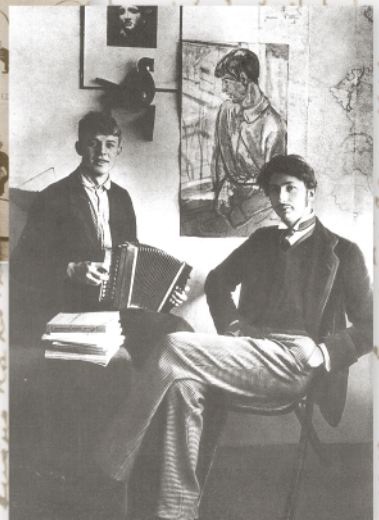
поду каррот...
лей- коронаванныи...
гермету как...
фемие фавогей лави...
парши фавогей лави...
конечи законичиной...
арокель шавиной...
федней с милого...
муреденской с...
ко верши...
аруримель...
сейчас...
и бурнучко...

НАУКА ВУЗ'ОВ
ЧЕТВЕРГ 24 ноября 1927 г.
„ХОРОШО!“
1. Шабит...
2. В...
3. Газов...
4. Углек...
5. Жидк...
6. В...
7. Кисл...
8. Заряд...
9. Газов...
10. Давле...
11. Дав...
12. С...
13. Трени...
14. Если...

М. Горький

Литература конца XIX — начала XX века

Мне любовь...
Не верю...
Мне любовь...
Не верю...

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Повторяем пройденное

Вы уже знакомы с творчеством А.П. Чехова. В каком прозаическом жанре он предпочитал создавать свои произведения?

История создания «маленькой трилогии»

Известно письмо А.П. Чехова его издателю А.Ф. Марксу, в котором писатель говорит, что не согласен издавать в собрании сочинений три рассказа: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви». Он настаивал, что их нельзя печатать сейчас, в «серии, которая далеко ещё не закончена и которая может войти лишь в XI или XII том, когда будет приведена к концу вся серия». Однако целиком задуманную серию писатель не закончил, и принято считать эти три рассказа маленькой трилогией. Они связаны общими героями: в каждом действуют учитель гимназии Буркин, ветеринарный врач Иван Иванович Чимша-Гималайский, помещик Алёхин. Поочерёдно каждый из них рассказывает свою историю, которая становится самостоятельным рассказом.

Рассказ Буркина («Человек в футляре») — о людях, по своей воле изолировавших себя от жизни общества, от всего интересного, что в ней есть. Иван Иванович («Крыжовник») рассказывает о своём брате, посвятившем свою жизнь накопительству и добровольно запершем себя «на всю жизнь в собственную усадьбу», а помещик Алёхин («О любви») вспоминает единственную любовь в своей жизни, которую он фактически прозевал.

Рассказы «Крыжовник» и «О любви» впервые были напечатаны в 1898 году в журнале «Русская мысль».

Рассказ «Крыжовник»

«Среда заела»?

«Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иван Иванович и Буркин были проникнуты любовью к этому полю, и оба думали о том, как велика, прекрасна эта страна». На этой фразе заканчивается экспозиция рассказа «Крыжовник».

Автору очень важно сопоставить мечты о маленьком имении и простор родной страны. Чехов устами героя в этом рассказе спорит с Л.Н. Толстым¹. «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли², — говорит Иван Иванович. — Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Тот же герой произносит трогательную патетическую речь о богатстве человеческой души, о необъятности человеческих мечтаний и потребностей. Увы, его собеседников эта речь не вдохновляет. Рассказанная история произвела на них слишком сильное впечатление.

В литературе второй половины XIX века появилась формула «среда заела». Она означала, что человек оказался полностью зависимым от жизненных обстоятельств, «от среды». И хотел бы подняться над ними, раскрыть свои таланты, но, увы, «среда заела», не отпускает.

Чехов показывает, что в жизни человека всегда возникают ситуации, в которых необходимо сделать важный нравственный выбор. Во все не «среда» определяет жизнь человека, а его нравственная позиция, которая помогает ему этот выбор сделать. Часто последствия такого выбора сказываются всю жизнь.

Рассказ «Крыжовник» порой называют иллюстрацией формулы «среда заела». Николай Иванович Чимша-Гималайский, служащий казённой палаты, всю жизнь мечтал о жизни в деревне. Чтобы иметь

¹ Статья Л.Н. Толстого называлась «Много ли человеку земли нужно» (1885).

² *Три аршина земли* — аршин — 0,71 м, русская мера длины.

свою усадьбу, Николай Иванович женился на старой, некрасивой вдове, держал её впроголодь и наконец уморил. Через долгие годы его мечта осуществилась, и в конце концов он стал владельцем усадьбы, но ценою своей человечности, он почти потерял человеческий облик: «постарел, располнел, обрюзг; щёки, нос и губы тянутся вперед, — того и гляди, хрюкнет в одеяло».

Более того, этот «благородный» свиноподобный облик принимают и живые существа вокруг: «Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью».

Николай Иванович добился своего: он наслаждается собственным крыжовником — своим, а не купленным! — хотя ох и кислая же уродилась ягода... Счастье даже лишило его сна: и ночью он встаёт и берёт по яголке.

Его брат Иван Иванович — который и рассказывает друзьям об этом случае — считает жизнь в усадьбе подобной монашеству¹, но монашеству без подвига. Жизнь брата он не понимает и комментирует её взволнованно, с непониманием и неприязнью. Однако Чехов оставляет окончательную оценку за читателем. Ведь даже скептически настроенный Иван Иванович честно говорит: «Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию».

Конечно, то, какими жертвами и какой ценой было достигнуто это «усадебное счастье», показывает нам неприемлемость мелочной, ничтожной жизни. Иван Иванович продолжает своё обличение: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясётся беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет, счастливый живёт себе, и

¹ Согласно христианской церковной традиции, монашество (иночество) рассматривается как подвиг: отказавшись от мира, монах отдаёт за него жизнь, подобно Христу.

мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, — и всё обстоит благополучно». Иван Иванович отрицает свои же прежние взгляды. И прежде он ратовал за ученье, образование, свободу, но призывал «подождать». Прошло время, и он восклицает: «Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Во имя каких соображений? Мне говорят, что не всё сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в своё время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою над ровом и жду, когда он зарастёт сам или затащит его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!»

Рассказ «О любви»

Любовь помещика Алёхина

В рассказе «О любви» перед нами разворачивается трагическая история помещика Алёхина, влюблённого в замужнюю женщину и долго скрывавшего своё чувство. Он долго страдал, но открылся ей только в минуту её окончательного отъезда из города. В этот миг он понял, «как ненужно, мелко и как обманчиво было всё то, что нам мешало любить».

Удивительным предстаёт перед читателем помещик Алёхин в самом начале рассказа «Крыжовник»: «...Алёхин, мужчина лет сорока, высокий, полный, с длинными волосами, похожий больше на профессора или художника, чем на помещика. На нём была белая, давно не мытая рубаха с верёвочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома. Нос и глаза были черны от пыли». Алёхин рад гостям: нелегко жить без общения с образованными людьми. Он признаётся, что давно не мылся, с весны! Многозначительная деталь: если «отмыть» налёт повседневности, открывается пронзительная история любви. Её-то и рассказывает Алёхин, она ложится в основу рассказа «О любви»¹.

¹ Писательница Л.А. Авилова утверждала, что в рассказе «О любви» речь идёт об их взаимоотношениях с А.П. Чеховым.

Многие годы Алёхин дружил с семьёй Лугановичей, был вхож в дом, играл с их детьми. Ему нравилось общество Анны Алексеевны, жены Лугановича. Похоже, он влюбился в неё с первого взгляда: «Я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоду у моей матери».

Она была молода, около двадцати двух лет, в семье рос ребёнок, и Алёхин никогда не позволял себе ничего недозволенного в отношениях с ней. Шли годы, в семье родился ещё один ребёнок, а отношения Алёхина с Анной Алексеевной оставались всё такими же строгими и целомудренными. Со временем показалось, что Анна Алексеевна устаёт от общества Алёхина, она даже досадует на него, подтрунивает над ним. Её муж получает назначение в другую местность, и Алёхин прощается с Анной Алексеевной. Сцена прощания оказывается кульминационной в рассказе. Именно здесь мы впервые видим, сколь велико было чувство, таившееся в обоих героях. Увы, формула «надо подождать» не сработала: они не смогли обмануть время. Их нерешительность, боязнь перемен, предрассудки, неумение довериться любви сыграли с ними злую шутку. Влюблённым суждено расстаться навсегда.

Литературная мастерская

Сравнив эти два рассказа, мы видим, насколько тактичен Чехов-рассказчик со своими читателями. Он нигде не высказывает прямо своих мыслей. На протяжении всего повествования ему удаётся держать дистанцию. Как только один из персонажей переходит на патетику, на проповедь, на поучение, писатель сразу же демонстрирует неприятие его точки зрения другими персонажами. В этой внешней объективности, в демонстративном нежелании расставлять все акценты — важная особенность художественного мастерства Чехова. За эту художественную особенность часто упрекали писателя в «обезличенности». Однако Чехов всегда умел заинтересовать, увлечь читателя без излишней нарочитости. Конечно, в этом проявляется его **новаторство**.

Сюжеты рассказов говорят сами за себя, они не нуждаются в поучительных комментариях со стороны рассказчика. Эти рассказы глубоко

ки, в них несколько слоёв. Казалось бы, Алёхин так чист в своих помыслах и в отношении к женщине — но почему он столь неопрытен? Что означает эта запущенность его внешнего вида? Всё более теряет свой человеческий облик Николай Иванович Чимша-Гималайский. Но ведь рассказчик Иван Иванович — родной брат его. Почему же он так безжалостен в своих оценках? Почему не вмешался раньше, почему не поделился с братом своими опасениями, почему не стал тем самым «человеком с молоточком», о котором столь красиво восклицает в конце рассказа? Подумайте над этими вопросами и попробуйте написать эссе. Сравните с этой точки зрения рассказы Чехова с рассказами, например, Тургенева. В чём их различие? Что в чеховских рассказах жанрового, а что — *индивидуально новаторского*?

Решаем читательские задачи

Прочитайте рассказы А.П. Чехова и ответьте на следующие за ними вопросы.

КРЫЖОВНИК

Ещё с раннего утра всё небо обложили дождевые тучи; было тихо, не жарко и скучно, как бывает в серые пасмурные дни, когда над полем давно уже нависли тучи, ждёшь дождя, а его нет. Ветеринарный врач Иван Иваныч и учитель гимназии Буркин уже утомились идти, и поле представлялось им бесконечным. Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мироносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там луга, зелёные ивы, усадьбы, и если стать на один из холмов, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город. Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иван Иваныч и Буркин были проникнуты любовью к этому полю, и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна.

— В прошлый раз, когда мы были в сарае у старосты Прокофия, — сказал Буркин, — вы собирались рассказать какую-то историю.

— Да, я хотел тогда рассказать про своего брата.

Иван Иванович протяжно вздохнул и закурил трубочку, чтобы начать рассказывать, но как раз в это время пошёл дождь. И минут через пять лил уже сильный дождь, обложной, и трудно было предвидеть, когда он кончится. Иван Иванович и Буркин остановились в раздумье; собаки, уже мокрые, стояли, поджав хвосты, и смотрели на них с умилением.

— Нам нужно укрыться куда-нибудь, — сказал Буркин. — Пойдёмте к Алёхину. Тут близко.

— Пойдёмте.

Они свернули в сторону и шли всё по скошенному полю, то прямо, то забирая направо, пока не вышли на дорогу. Скоро показались тополи, сад, потом красные крыши амбаров; заблестела река, и открылся вид на широкий плёс¹ с мельницей и белою купальней. Это было Софьино, где жил Алёхин.

Мельница работала, заглушая шум дождя; плотина дрожала. Тут около телег стояли мокрые лошади, понутив головы, и ходили люди, накрывшись мешками. Было сыро, грязно, неуютно, и вид у плёса был холодный, злой. Иван Иванович и Буркин испытывали уже чувство мокроты, нечистоты, неудобства во всём теле, ноги отяжелели от грязи, и когда, пройдя плотину, они поднимались к господским амбарам, то молчали, точно сердились друг на друга.

В одном из амбаров шумела веялка²; дверь была открыта, и из неё валила пыль. На пороге стоял сам Алёхин, мужчина лет сорока, высокий, полный, с длинными волосами, похожий больше на профессора или художника, чем на помещика. На нём была белая, давно не мытая рубаха с верёвочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома. Нос и глаза были черны от пыли. Он узнал Ивана Ивановича и Буркина и, по-видимому, очень обрадовался.

— Пожалуйте, господа, в дом, — сказал он, улыбаясь. — Я сейчас, сию минуту.

Дом был большой, двухэтажный. Алёхин жил внизу, в двух комнатах со сводами и с маленькими окнами, где когда-то жили приказчики; тут

¹ *Плѣс* — здесь: участок реки, отличающийся спокойным течением, глубиной и шириной.

² *Вѣялка* — машина для очистки зерна от мякины (остатков колосьев, стеблей и т. п.) и сора.

была обстановка простая, и пахло ржаным хлебом, дешёвою водкой и сбруей. Наверху же, в парадных комнатах, он бывал редко, только когда приезжали гости. Ивана Иваныча и Буркина встретила в доме горничная, молодая женщина, такая красивая, что они оба разом остановились и поглядели друг на друга.

— Вы не можете себе представить, как я рад видеть вас, господа, — говорил Алёхин, входя за ними в переднюю. — Вот не ожидал! Пелагея, — обратился он к горничной, — дайте гостям переодеться во что-нибудь. Да кстати и я переоденусь. Только надо сначала пойти помыться, а то я, кажется, с весны не мылся. Не хотите ли, господа, пойти в купальню, а тут пока приготовят.

Красивая Пелагея, такая деликатная и на вид такая мягкая, принесла простыни и мыло, и Алёхин с гостями пошёл в купальню.

— Да, давно я уже не мылся, — говорил он, раздеваясь. — Купальня у меня, как видите, хорошая, отец ещё строил, но мыться как-то всё некогда.

Он сел на ступеньке и намылил свои длинные волосы и шею, и вода около него стала коричневой.

— Да, признаюсь... — проговорил Иван Иваныч значительно, глядя на его голову.

— Давно я уже не мылся... — повторил Алёхин конфузливо и ещё раз намылился, и вода около него стала тёмно-синей, как чернила.

Иван Иваныч вышел наружу, бросился в воду с шумом и поплыл под дождём, широко взмахивая руками, и от него шли волны, и на волнах качались белые лилии; он доплыл до самой середины плёса и нырнул, и через минуту показался на другом месте и поплыл дальше, и всё нырял, стараясь достать дна. «Ах, боже мой... — повторял он, наслаждаясь. — Ах, боже мой...» Доплыл до мельницы, о чём-то поговорил там с мужиками и повернул назад, и на середине плёса лёг, подставляя своё лицо под дождь. Буркин и Алёхин уже оделись и собрались уходить, а он всё плавал и нырял.

— Ах, боже мой... — говорил он. — Ах, господи помилуй!

— Будет вам! — крикнул ему Буркин.

Вернулись в дом. И только когда в большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркин и Иван Иваныч, одетые в шёлковые халаты и тёплые туфли, сидели в креслах, а сам Алёхин, умытый, причёсанный, в новом сюртуке, ходил по гостиной, видимо, с наслаждением ощущая тепло, чистоту, сухое платье, лёгкую обувь, и когда красивая Пелагея,

бесшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносе чай с вареньем, только тогда Иван Иванович приступил к рассказу, и казалось, что его слушали не один только Буркин и Алёхин, но также старые и молодые дамы и военные, спокойно и строго глядевшие из золотых рам.

— Нас два брата, — начал он, — я, Иван Иванович, и другой — Николай Иванович, года на два помоложе. Я пошёл по учёной части, стал ветеринаром, а Николай уже с девятнадцати лет сидел в казённой палате¹. Наш отец Чимша-Гималайский был из кантонистов², но, выслужив офицерский чин, оставил нам потомственное дворянство³ и именьешко. После его смерти именьешко у нас оттягали за долги, но, как бы ни было, детство мы провели в деревне на воле. Мы, всё равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко⁴, ловили рыбу, и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелётных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казённой палате. Годы проходили, а он всё сидел на одном месте, писал всё те же бумаги и думал всё об одном и том же, как бы в деревню. И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определённое желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера.

Он был добрый, кроткий человек, я любил его, но этому желанию запретить себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал. Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума,

¹ *Казённая палата* — губернское учреждение, ведавшее денежными сборами и расходованием государственных средств. Казённые палаты существовали в России с 1775 г.

² *Кантонисты* — солдатские сыновья, числившиеся за военным ведомством со дня рождения (в 1805–1865 гг.).

³ *Потомственное дворянство* — принадлежность по рождению к привилегированному сословию.

⁴ *Лыко* — внутренняя (лубяная) часть коры молодых лиственных деревьев, используется для плетения лаптей и корзин.

уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.

Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет есть свои собственные щи, от которых идёт такой вкусный запах по всему двору, есть на зелёной травке, спать на солнышке, сидеть по целым часам за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес. Сельскохозяйственные книжки и всякие эти советы в календарях составляли его радость, любимую духовную пищу; он любил читать и газеты, но читал в них одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни и луга с усадьбой, рекой, садом, мельницей, с проточными прудами. И рисовались у него в голове дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемые картины были различны, смотря по объявлениям, которые попадались ему, но почему-то в каждой из них непременно был крыжовник. Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла он не мог себе представить без того, чтобы там не было крыжовника.

— Деревенская жизнь имеет свои удобства, — говорил он, бывало. — Сидишь на балконе, пьёшь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо и... и крыжовник растёт.

Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: а) барский дом, б) людская¹, в) огород, г) крыжовник.

Жил он скупко: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и всё копил и клал в банк. Страшно жадничал. Мне было больно глядеть на него, и я кое-что давал ему и посылал на праздниках, но он и это прятал. Уж коли задался человек идеей, то ничего не поделаешь.

Годы шли, перевели его в другую губернию, минуло ему уже сорок лет, а он всё читал объявления в газетах и копил. Потом, слышу, женился.

Всё с той же целью, чтобы купить себе усадьбу с крыжовником, он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только

¹ *Людская* — помещение для дворни или прислуги при барском доме.

потому, что у неё водились деньжонки. Он и с ней тоже жил скупно, держал её впроголодь, а деньги её положил в банк на своё имя. Раньше она была за почтмейстером и привыкла у него к пирогам и к наливкам, а у второго мужа и хлеба чёрного не видала вдоволь; стала чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу. И конечно брат мой ни одной минуты не подумал, что он виноват в её смерти. Деньги, как водка, делают человека чужаком. У нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку мёду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с мёдом, чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале я осматривал гурты¹, и в это время один барышник² попал под локомотив и ему отрезало ногу. Несём мы его в приёмный покой, кровь льёт — страшное дело, а он всё просит, чтобы ногу его отыскали, и всё беспокоится; в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали.

— Это вы уж из другой оперы, — сказал Буркин.

— После смерти жены, — продолжал Иван Иванович, подумав полминуты, — брат мой стал высматривать себе имение. Конечно, хоть пять лет высматривай, но всё же в конце концов ошибёшься и купишь совсем не то, о чём мечтал. Брат Николай через комиссионера³, с переводом долга, купил сто двенадцать десятин с барским домом, с людской, с парком, но ни фруктового сада, ни крыжовника, ни прудов с уточками; была река, но вода в ней цветом как кофе, потому что по одну сторону имения кирпичный завод, а по другую — костопальный⁴. Но мой Николай Иванович мало печалился; он выписал себе двадцать кустов крыжовника, посадил и зажил помещиком.

В прошлом году я поехал к нему проведать. Поеду, думаю, посмотрю, как и что там. В письмах своих брат называл своё имение так: Чумбароклова Пустошь, Гималайское тож. Приехал я в «Гималайское тож» после полудня. Было жарко. Везде канавы, заборы, изгороди, посажены рядами ёлки, — и не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь. Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин

¹ *Гурт* — здесь: стадо скота или птицы, предназначенных для продажи.

² *Барышник* — перекупщик, занимавшийся перепродажей ради барыша.

³ *Комиссионер* — посредник в торговых сделках.

⁴ *Костопальный* — завод, на котором перерабатывают («перезжигают») кости.

отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щёки, нос и губы тянутся вперёд, — того и гляди, хрюкнет в одеяло.

Мы обнялись и всплакнули от радости и от грустной мысли, что когда-то были молоды, а теперь оба седые и умирать пора. Он оделся и повёл меня показывать своё имение.

— Ну, как ты тут поживаешь? — спросил я.

— Да ничего, слава богу, живу хорошо.

Это уж был не прежний робкий бедняга-чиновник, а настоящий помещик, барин. Он уж обжился тут, привык и вошёл во вкус; кушал много, в бане мылся, полнел, уже судился с обществом и с обоими заводами и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородие». И о душе своей заботился солидно, по-барски, и добрые дела творил не просто, а с важностью. А какие добрые дела? Лечил мужиков от всех болезней содой и касторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен, а потом ставил полведра¹, думал, что так нужно. Ах, эти ужасные полведра! Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потраву², а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат ура, и пьяные кланяются ему в ноги. Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое. Николай Иваныч, который когда-то в казённой палате боялся даже для себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы».

— Я знаю народ и умею с ним обращаться, — говорил он. — Меня народ любит. Стоит мне только пальцем шевельнуть, и для меня народ сделает всё, что захочу.

И всё это, заметьте, говорилось с умной, доброю улыбкой. Он раз двадцать повторил: «мы, дворяне», «я, как дворянин»; очевидно, уже не помнил, что дед наш был мужик, а отец — солдат. Даже наша фамилия Чимша-Гималайский, в сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной.

¹ *Полведра́* — 6 л, русская мера жидкости «ведро» была равна примерно 12 л.

² *Потра́ва* — порча, истребление животными травы и посевов.

Но дело не в нём, а во мне самом. Я хочу вам рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы, пока я был в его усадьбе. Вечером, когда мы пили чай, кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. Это был не купленный, а свой собственный крыжовник, собранный в первый раз с тех пор, как были посажены кусты. Николай Иванович засмеялся и минуту глядел на крыжовник, молча, со слезами, — он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребёнка, который наконец получил свою любимую игрушку, и сказал:

— Как вкусно!

И он с жадностью ел и всё повторял:

— Ах, как вкусно! Ты попробуй!

Было жёстко и кисло, но, как сказал Пушкин, «тьмы истин нам дороже нас возвышающий обман»¹. Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию. Особенно тяжело было ночью. Мне постлали постель в комнате рядом с спальней брата, и мне было слышно, как он не спал и как вставал и подходил к тарелке с крыжовником и брал по яголке.

Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, враньё... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днём едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Всё тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, оче-

¹ «Тьмы истин...» — неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830), где было «тьмы низких истин...».